

ЧЕЛОВЕК МЕЖДУ «ВСЁ» И «НИЧТО»

Е. Ф. Казаков

MAN BETWEEN “ALL” AND “NOTHING”

E. F. Kazakov

В статье рассматриваются онтологический и эпистемологический потенциал использования категорий «всё» и «ничто» для описания модусов человеческого существования. Человек представлен стремящимся к сверхбытию и сверхпознанию, непрерывно преодолевающим себя и окружающую реальность. Человек – «середина» между Ничто (в котором потенциально содержится Всё) и Всё (как актуальности, всегда неполной в каком-либо отношении, то есть всегда содержащей в себе Ничто как актуальность). Человек определяется через понятие «душа», которое понимается как Всё человеческое. Человек «больше» мира, так как ему всегда «мало» мира. В статье рассматривается развитие процессов осмысления «всё» и «ничто» как модусов человеческого существования в античной, средневековой, ренессансной и современной мысли.

The paper discusses the ontological and epistemological potential of the use of the categories of “everything” and “nothing” to describe the modes of human existence. People are represented as seeking for superbeing and corpora, constantly transcending themselves and the surrounding reality. Man is “the middle” between Nothing (which contains potentially Everything) and Everything (like relevance, which is always incomplete in any respect, that is, always contains Nothing as relevance). Man is defined through the concept of “soul”, which is understood as Everything that is human. People are “bigger” than the world, as the world is always “too small” for them. The paper discusses the development of the processes of understanding “everything” and “nothing” as modes of human existence in the ancient, medieval, Renaissance and modern thought.

Ключевые слова: всё, ничто, бытие, человек, душа, модусы, онтологическое, эпистемологическое, актуальное, потенциальное, история, античность, средневековье, Ренессанс, Новое время, современность.

Keywords: everything, nothing, being, person, soul, modes, ontological, epistemological, current, potential, history, antiquity, middle ages, Renaissance, modernism, modernity.

Категории «Всё» и «Ничто» могут быть использованы для обозначения крайних «полюсов» человеческой жизни. Если категорией «Всё» можно обозначить полноту осуществлённости человека (когда в человеческой единичности находит выражение обще-всеобщее, родовое, вселенское, метафизическое); то категорией «Ничто» – его предельную неосуществлённость, «нульмерность» [13, с. 119] (когда человеческая единичность минимизируется, отделяется, закрывается от обще-всеобщего, родового, вселенского, метафизического, коллапсирует, «схлопывается»).

Категория «всё» используется в философии не часто, обычно замещаясь категорией «бытие», и обозначающей «всё сущее» (напр., Ж.-П. Сартр «Бытие и ничто»). Но парной категорией для «бытия» (начиная с Парменида) предстаёт «небытие»; парной категорией для «ничто» – «всё» [4, с. 5 – 6]. Человек не только хочет «всем быть», но и хочет «всё познать» всеми доступными ему средствами. Поэтому применительно к человеку категория «всё» включает в себя, наряду с онтическим, ещё и эпистемное содержание.

Человек – единственное существо, стремящееся *всё* познать и *всего* достичь, нередко независимо от целесообразности и продуктивности результата. Человек – неудержимый максималист во всём («или всё, или ничего», «или грудь в крестах, или голова в кустах»; «если жениться, то на королеве; если красть, то миллион»), «возвышение» его потребностей неостановимо. Человек стремится к абсолютному знанию, абсолютному счастью, абсолютной справедливости, абсолютной красоте, абсолютно идеальному обществу, то есть к абсолютному совершенству и абсолютной власти.

Всегда желая то того, то того, то того... человек латентно желает Всего.

В отличие от всех других существ, человек никогда не может быть полностью удовлетворён настоящим (А. Маслоу: «Человек – вечно хотящее животное, никогда не достигающее полного удовлетворения») [14, с. 72]. Человеку всегда мало того, что у него есть (и что он есть) в настоящий момент времени (см.: [25, с. 27]). Именно превращение человека в «машину» непрерывных желаний и обуславливает его перманентные страдания, рождающие состояние постоянной неизбыточности, несчастности.

Тягу к избыточному (то есть к *сверхбытию* и *сверхпознанию*), не свойственную природному миру, можно пытаться объяснить «недоношенностью» человека, «эволюционным сбоем», влиянием «высших сил»... Стремление к абсолютному не может не быть стремлением к Абсолюту. Абсолютное (как потенцию и интенцию) в человека мог вложить только Абсолют (как актуальность). Таким образом, из человеческого «абсолютизма» выводимо существование Всесовершенного Творца (Б. Паскаль: «Стремление человека к совершенному счастью может удовлетворить только Совершенный Творец») [17, с. 121].

Но, «кто много хочет, тот мало получит». Достичь абсолютного можно только став Абсолютом. Движение к Абсолюту (в силу Его бесконечного совершенства) является для человека вечным становлением (обоживанием), никогда не достигающим конечной цели (раз и навсегда). В результате, человек обречён быть всегда частичным, а значит, не-с-частным, точнее, счастливо-несчастливым (так как достигая очередной

ступеньки на своём пути, он испытывает миг счастья, сменяющийся новым разочарованием-несчастьем, в связи с открывшейся впереди перспективой).

Прежде всего, «человек есть душа» (Сократ). Всё самое главное заключено именно в ней (Биант: «всё, что имею, ношу с собой»; точнее сказать: *в себе*). Душа, *в непосредственном виде (в «узком смысле»)*, есть вся внутренняя нематериальная жизнь человека; душа *в опосредованном (объективированном) виде (в «широком смысле»)* есть весь продуцированный человеком внешний нематериальный и материальный мир. *Душа есть внутренний и внешний мир человека, то есть душа есть ВСЁ человеческое* (именно при такой постановке вопроса особенно отчётливо видно, как душа отличается от психики, явно не «покрывающей» собой всю человеческую культуру).

Душа человека есть единство имманентного и трансцендентного, поэтому она – «больше» человека, другими словами, человек – «больше» себя самого. Непреходящая интенция человека – попытка превзойти, преодолеть себя (*«Если человек не становится больше, чем он есть, то становится меньше, чем он есть»* (Гиллель)). В человеке есть человеческое, очеловеченное, сверхчеловеческое, то есть Всё (в непрерывной, вечной, всегда незавершённой, актуализации). Человек есть всегда (в той или иной мере) потенциальное Всё и актуальное (в той или иной мере) Ничто. Всё и Ничто – не статичные «точки», а процессы, находящиеся во взаимосвязи и взаимопереходе. Человек есть непрерывное становление («челночное движение», «вечное возвращение»), восхождение Ничто во Всё, и нисхождение Всё в Ничто. *И в каждой «точке» своего исторического пути он есть одновременно Ничто (в его актуальности) и Всё (в его актуальности и потенциальности), и в то же время не Ничто и не Всё.* Всёшнно-ничтошность – перманентная индивидуально-родовая характеристика человека. Непрерывная процессуальность, постоянная незавершённость виртуализируют природу человека, делая её трудноуловимой.

«Человек есть существо, в котором уникально раскрыт принцип существования *всего сущего*» [20, с. 126]. **Человек – единственное творение, в котором есть ВСЁ:** физическое и метафизическое, имманентное и трансцендентное, биологическое и социальное, обыденное и возвышенное, доброе и злое, устойчивое и изменчивое, конечное и беспредельное... В человеке заключено «больше», чем во всём вместе взятом тварном мире (лишь ему дарован ещё и «образ Божий»). И в ангеле, и в звере, и в материи, и в виртуальности – частичность. Человек – «узелок» мироздания, связывающий все его «нити» воедино. Исходя из того, *что есть человек*, можно предположить, *зачем он есть*. Для спасения вселенной от энтропии, возможно, и ценой самопожертвования (см.: [7, с. 418])... Человек – «ничтожная единичность», способная и должная вместить в себя Всё, спасти Всё, а значит, равнозначная Всё, ответственная за Всё. **Человек – Ничто, в котором Всё;** Ничто и Всё в человеке сходятся, *во мне сходятся...*

Я – меньше вселенной, себя... Хотя бы потому, что моё существование «опережает» мою сущность, до конца не актуализируемую в существовании никогда. Моя сущность – величина, близкая к Всё, моё сущест-

вование – величина, близкая к Ничто. *Я – равен вселенной, себе...* В тот миг, когда сущность «находит себя» в существовании. *Я – больше вселенной, себя...* Когда в моём существовании выражается не только моё Я, но и моё сверх-Я, моя-сверх-моя трансцендентность. Можно «свернуть» в формулу вселенную, но нельзя «свернуть» в формулу *моё Я. Человек больше мира, так как ему всегда мало мира*, мало себя, всегда мало того, что есть. **Внутренний мир человека (потенциально или актуально) больше внешнего мира.** Поэтому он периодически «раздувает шар» бытия, внутри которого сам и обретаётся. Я – «больше» вселенной, потому что Бог – больше вселенной, *Бог во мне...*

Человек – «Всёшнее» Бога, так как в нём есть то, чего нет в Боге – брэнность и несовершенство (способность нести зло, смерть, ложь, уродство...). И по этой же причине человек – «Ничтошнее» Бога (Который только совершенен). Человек «всёшнее» всех других творений за счёт своего «метафизического дыхания» и в то же время «ничтошнее» всех, так как в нём есть такие ущербы и пороки, которых более нет ни у кого. И в этом смысле травинка совершеннее человека... Человек, своей «всёшнно-ничтошностью», одновременно и спасает и разрушает себя-мир, и приближает и отдаляет его от Бога. Поэтому «человек – слава и хлам вселенной» [17, с. 58].

«Всёшнно-ничтошность» – неотделимый от человека модус его существования, осмысление которого происходит на протяжении всей истории мысли.

Ещё **в доисторический период** начинается «выковыривание» *Всего человеческого* из *Всего не/сверхчеловеческого*. Процесс самоидентификации *Всего человеческого* происходит через отдифференциацию от зверя, от мёртвого, от вещи, от духов... Как оказывается, человек не сводим ни к одной из этих оппозиций и в то же время соотносим с каждой из них, неся в себе «крупницу» и того, и того, и того, то есть, «крупницу» *Всего*. Человек начинает представлять *микроуниверсумом*, единичностью, в которой (в «свёрнутом виде») сосредоточено Всё (см.: [11, с. 212 – 215]).

Для греков человек есть Всё (естественно – лишь свободный человек, однако свободными в Греции были не все; но в диалоге «Менон» Платон устами Сократа, доказывает, что даже душа раба может припомнить знания в настоящем ему неизвестные; то есть, в принципе, и в душе раба, а значит, в душе каждого человека есть Всё как потенция). Демокрит доказывал, что человек есть «микрокосм», то есть вселенная в миниатюре. Из этого же исходил Хилон: «познай себя, и ты познаешь вселенную и богов» [12, с. 75]. В человеке есть Всё, так как человек – дитя Всего, а дети не могут не быть подобны родителям. Только в том случае, если человек есть Всё, он и может быть «мерой всех вещей, как видимых, так и невидимых, как существующих, так и не существующих» [19, с. 152]. Однако человек – не Бог, поэтому полемизируя с Протагором, Платон утверждал: «Бог есть подлинная мера всех вещей» [18, с. 211]. Но, лишь в том случае, если Бог – совершенство, что к олимпийским Богам подходило далеко не в полной мере.

В античном Боге, в отличие от человека, Всё актуализировано гораздо больше. Но в политеизме Всё в полной мере не может быть актуализировано ни в од-

ном Боге, каждый из олимпийских Богов – частичен (Зевс – частичен в наименьшей степени). И Зевс не есть Всё, но Всё актуализировано в Нём гораздо больше, чем в людях, и отчасти больше, чем в других Богах. В Богах есть человеческое (из их ран течёт кровь), в человеке есть Божественное (по Аристотелю, например, это – бессмертный разум). Но Бог, имеющий телесное обличие, не может пребывать в человеческой душе. *Божественное в человеке есть, но Бога в человеке нет.* Поэтому «всё во всём», – говорил Анаксагор, – но тут же делал важное уточнение: «во всём есть часть всего» [3, с. 111].

Гораздо в меньшей степени развёрнуто у греков представление о том, что *человек есть Ничто*. Данное утверждение следует, например, из Сократовского «я знаю только то, что ничего не знаю». Если я «ничего не знаю», то я Ничто. Но, если я знаю об этом, то я не есть Ничто. Поэтому в человеке есть Ничто, но человек к Ничто (как нульмерности) не сводим. Человек есть непрекращающееся восхождение Ничто во Всё, и – нисхождение Всё в Ничто. *Человек не есть Всё, человек не есть Ничто, человек есть непрерывно (гетерохронно и разнонаправлено) становящееся Нечто.*

Для средних веков (в христианской традиции) Бог есть Всё, создающее из Ничто Всё («всё сотворил Бог из ничего») [6, с. 7, 28]. Бог есть абсолютная полнота актуализации Всё, так как Он – Един (монотеизм), Всесведущ, Всемогущ, Всеблаг, Вездесущ, одним словом, Всесовершенен. Человек сотворён из *всего* «праха земного», а в тело его вложен дух («образ Бога», несущий в себе совершенство Творца). Если Бог – беспрдельно Совершенен, то человек относительно Него – всегда невоссовершенен. *Человек есть Ничто*, он мал, слаб и грешен, и без Бога – просто гибнет. Но в человеке есть образ Бога, то есть крупица-зерно Всего. *Человек есть Всё*. Образ Бога есть в душах *всех* людей. Утверждая, что у раба есть душа, а в ней – образ Бога, Христос совершает *духовную революцию*. После этого уже нельзя было не относиться к рабу, как к человеку равному любому другому. Рабство рухнуло. Важнейшим прорывом христианства было утверждение представления, что *Всё есть в каждом человеке*. Всё есть в Ничто, значит, Ничто – не самотождественно (в отличие от самотождественности Божественного Всё).

Цель человеческой жизни – движение от Ничто ко Всё, то есть от Всё потенциального ко Всё актуальному, возвращение в себе и мире Божественного «зерна», «стяжание духа святого». Неся образ Бога, представая сотворцом Бога, человек призван включиться в преобразование Ничто во Всё. Для этого в человеке есть необходимый *«божественный потенциал»: всё может Бог во мне, значит и я могу...* Но, и праведность, и святость не превращают человека во Всё (не случайно все святые называют себя грешниками), так как Бог – бесконечно Всесовершенен, относительно чего человек всегда будет невоссовершенен. Ничто приближается ко Всё, но никогда не становится Всё. Приближаясь к Богу, человек должен становится «больше», но он остаётся таким же младенцем, вечной потенцией Всё (относительно всегда недостижимого, всегда «отдаляющегося» в беспредельность, Божественного всесовершенства). Человек – перманентное Ничто, несмотря ни на что и вопреки всему, старающееся *овсёшиться* («Бог стал

человеком, чтобы человек стал богом» [2, с. 110]), но никогда не достигающее полной тождественности с Всё. Человек – *всегда становящееся Всё и никогда – ставшее...*

В эпоху Возрождения утверждается представление, что человек рождается как реальная возможность Всего, и именно на нём самом лежит ответственность за превращение её в действительность. Пико делла Мирандола («О достоинстве человека») утверждает, что Творец, ставя человека в центр мира, повелел: «...не даем мы тебе, Адам, ни определенного места, ни собственного лица, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанности ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Ты, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя представляю» [10, с. 510]. Допустимыми считались *все* потребности души и тела. Величие человека представлялось в свободном поиске возможностей своего *всестороннего* совершенствования, в «творении себя собою». Особенностью было утверждение, что *каждый* человек есть самостоятельное, свободное, индивидуальное, неповторимое «собрание букета» Всего, уникальная *единичность Всеобозия*.

В Новое время стремление к Всёшности продолжилось. Нарастает отдаление человека от Бога, в результате чего он (в своих собственных глазах) становится всё больше и больше. Если для утопистов Ренессанса Всёшность человека была принадлежностью будущего, то для «реалистов» Просвещения – это уже принадлежность настоящего. Выведя себя за рамки сравнения с Богом, человек предстал сам для себя мудрым, сильным и властным, способным Всё познать и Всё осуществить. Если убрать высшую (горнюю) планку ценностей, то величие человека безусловно и всецело; если убрать небо, останется одна земля, и *над землёй – земля...* Поэтому, «если бы Бога не было, то его следовало бы выдумать» (Вольтер). Начинается головокружение от Всёшности самого себя.

Б. Паскаль со всей определённоостью обозначает вселенско-метафизическое местопребывание человека: «Человек – середина между всё и ничто; всё по сравнению с ничто, и ничто по сравнению со всем» [17, с. 135]. Выпадение из «срединного гнезда» и обуславливает кризис самоидентификации, вызывая чувство потерянности, неуверенности, неопределённости. Сохраняется в Новое время и христианская трактовка соотношения Всё и Ничто, Бога и человека, выраженная, например, Г. Д. Державиным в оде «Бог»: «...Как капля, в море опущенна, / Вся твердь перед тобой сия. / Но что мной зримая вселенна? / И что перед тобою я? / В воздушном океане оном, / Миры умножа миллионом / Стократ других миров, – и то, / Когда дерзну сравнить с тобою, / Лишь будет точкою одною; / А я перед тобой – ничто. / Ничто! – Но ты во мне сияешь / Величеством твоих доброт; / Во мне себя изображаешь, / Как солнце в малой капле вод. / Ничто! – Но жизнь я ощущаю, Насытым некаким летаю / Всегда паренъем в высоты; / Тебя душа моя быть чаёт, / Вникает, мыслит, рассуждает: / Я есмь – конечно, есть и ты! / Ты есть! – природы чин вещает. / Гласит мое мне сердце то, / Меня мой разум уверяет, / Ты есть – и я уж не ничто! / Частица целой я вселенной, / Поставлен, мнится мне, в почтен-

ной / Средине естества я той, / Где кончил тварей ты телесных, / Где начал ты духов небесных / И цепь существ связал всех мной. / Я связь миров, повсюду существ, / Я крайняя степень вещества; / Я средоточие живущих, / Черта начальна божества; / Я телом в прахе истлеваю, / Умом громам повелеваю, / Я царь – я раб – я червь – я бог!...» [7, с. 115 – 116].

В XIX в., когда «умирание» Божественного Всё доходит до знаковой «точки» (ницшеанское «Бог умер»), человек дерзает сам превратиться во Всё (ницшеановский «сверхчеловек»), стать «святым без Бога», «богом без Бога». «Бог умер – человек свободен» [15, с. 56], свободен «во все стороны». Именно полнота свободы человека является условием его Всёшности. Человек «убивает Бога», чтобы самому стать Богом, в итоге: «человек человеку – бог» [21, с. 156].

«Маятник» отрицания Божественного Всё и вообще *Всего вне моего Я* достигает крайней точки в солипсизме, утверждающем действительность только *моего Я*, и сводящим к Ничто всё за его границами (фихтеанское «я есть всё», штирнеранское «я есмь всё»). Я – Ничто, создающее «из себя» Всё. «Я ничто не в смысле пустоты: я творческое ничто, то, из которого я сам как творец всё создам» [26, с. 121]. Превратив Бога в Ничто, человек превращает себя во Всё; достигается пиковая «точка» человеческой Всёшности, псевдо-Всёшности...

В русской философии в это время развивается *идея Всеединства*. Получает развитие представление, что Всё находится не в отдельных людях, а выходит за индивидуальные границы, интегрируясь в общечеловеческое соборное Всё. Все люди предстают единым соборным человеком. *Единичное Всё способно актуализироваться только в соборном Всё* (Н. Ф. Фёдоров: «спастись в одиночку нельзя, спастись можно только всем вместе со всеми»; Д. С. Мережковский: «Спасти половину человека нельзя, и спасти половину человечества нельзя»). Единичное (человеческое) понимается как акциденция всеобщего (человеческого), индивидуальная душа – как акциденция родовой души. Мировая история предстаёт как соби́рание рассыпавшегося на отдельные монады соборного человека (богочеловека), соборного человечества (богочеловечества). Носителем актуализированного Всё предстаёт только соборное богочеловечество. Подлинный человек – это богочеловек; человеческая всёшность может быть обретена только через единение со Всёшностью Бога. Идея соборности неотделима от идеи мессианства: чтобы спасти себя, надо спасти всех. *В одном есть Всё, потому что в одном есть Все* (Ф. М. Достоевский: «все виноваты во всём»; Д. Донн: «Не спрашивай, по ком звонит колокол, он звонит по Тебе»). *Актуально (в полноте) существует только всечеловечество («богочеловечество»), подлинно существует только всечеловек («богочеловек»)*.

У *космистов* человек предстаёт продуктом эволюции не только Земли, но и *всего* Космоса. Человек есть то, что он знает; раздвижение знаний человека о мире есть раздвижение границ самого человека, человеческого. Сознание человека предстаёт не только родовым, планетарным, но и вселенским (современные исследования делают сознание человека кластерным и суперкластерным, расширяющим его до размеров Ла-

ниакеи). Всёшность человека делает его ответственным за судьбу не только всего земного, но и за сохранение Галактики (см.: [9, с. 429]).

В *нацистской идеологии* только высшая раса – Всё, низшие же расы – Ничто (настолько Ничто, что их покорение, подавление, и даже исчезновение, в том числе насильственное – благо). Если раньше в одном человеке (или во всём человечестве) искали Всё и Ничто, то теперь происходит *рефлексия во вне*: носителями Всё и Ничто предстают разные общности людей. Обособление и поляризация Всё и Ничто раскалывают не человека, а человечество.

В *коммунистической идеологии* Бога (как Абсолютного Всё) нет, его место призван занять человек (Э. Потье «Интернационал»: «кто был ничем, тот станет всем»). Коммунистическая идея постулирует Всёшность человека как перспективную актуальную возможность, реализуемую в «светлом будущем». В отличие от нацизма, здесь осуществляется попытка актуализировать Всё в каждом человеке, всём человечестве, а ни в одном народе (коммунизм как мировая мессианская «религия» без Бога). Всё – как возможность, становление Ничто во Всё – как действительность. Непреодолимый разрыв между абстрактной возможностью и конкретной действительностью превратил Всёшность человека в квазицель. Чем больше человек стремится ко Всему, тем ближе он оказывается к Ничто, обезличиваясь и мельчая (Б. Паскаль: «чем ближе к ангелу хочет быть человек, тем ближе он оказывается к зверю»; А. Галич: «кто был ничем, тот стал никем»).

Во второй половине XX в. человек достигает максимальной за всю историю степени «свободы от» (природы, деспотического государства, жёсткой экономической зависимости, Бога, прошлого), то есть внешней свободы [22, с. 43]. *Внешний человек* обретает раскрепощённость, позволяющую ему получить предельную *Внешнюю Всёшность*. Однако обретение «свободы от» не стало условием для обретения «свободы для». Внешняя свобода предстала как самоцель, самоценность, а не как условие для внутренней свободы. Стал нарастать контраст между *Внешней Всёшностью* и *Внутренней Ничтошностью*. Мечта утопистов и просветителей о том, что внешняя свобода будет бесценным и достаточным условием для внутреннего саморазвития человека, потерпела крах. Внешняя свобода стала использоваться для потребления (потребления ради потребления) и гедонистического развлечения.

В современной массовой культуре Ничто – это не отдельный человек или отдельный народ, а Масса, пришедшая к власти (см.: [16, с. 70 – 72]). Масса – коллективный обезличенный человек, коллективное (планетарное) обезличенное Ничто, в противовес тонкой прослойке, сохраняющей лицо и некоторую Всёшность, элиты.

Ничтошность Внутреннего человека почувствовал и выразил *постмодернизм*, засвидетельствовав «деконструкцию человека как субъекта». «Постмодернизм с предельной выразительностью высказался о том, что в обществах современного типа реализуется устойчивая социальная потребность к обезличиванию и аннигиляции человека» [1, с. 63]. Человек был осознан как обезличенная функция социально-экономических, по-

литических, культурно-идеологических (в том числе семантических) структур, не способная существенно повлиять на них. Наступает «теоретическая смерть человека» («смерть субъекта») [23, с. 74]. Автор умирает, остается лишь актер, скриптор, «несущий в себе не страсти и чувства, а только небьющий словарь... жизнь лишь подражает книге, а книга соткана из знаков» [5, с. 165].

Человек предстаёт нульмерностью, одномерностью, функцией, имеющей все внешние права и свободы. *Внутреннее Ничто* вступает в диссонанс с *Внешним Всё*. Но нельзя быть подлинным *Всё во вне* без подлинного *Всё внутри*. Разрыв между внешней Всешностью и внутренней Ничтошностью достигает критической величины. Отталкиваясь от «дна» Ничто, человек пытается начать движение ко Всё, условием чего служит свобода самовыражения, проявление себя «во

все стороны» (Ж. Делёз: «любовь – это когда двое становятся не одним, а сотнями тысяч»), чему препятствует зашкаливающий нарциссизм (см.: [8, с. 204 – 205]). Человек меряет мир собой, меряет другого по себе, утверждая своё «Я» как критерий истины, как «меру всех вещей», меру всех мер...

Вся мировая история – это вечный поиск человеком своей идентичности и вечная невозможность её найти, так как система координат «низа» и «верха» (Ничто и Всё) подвижны, а «верх» – тот и просто малоуловим. Человек – перманентное *Нечто*, бесконечное *восхождение Ничто во Всё и нисхождение Всё в Ничто*, вечный кризис идентичности. Человек – это «открытая возможность», призванная, в конце концов, взять на себя *ответственность за Всё, что происходит в мире* (см.: [25, с. 96]). Лишь отвечая за Всё, человек и становится Всем...

Литература

1. Алейник Р. М. Проблема человека в философской постмодернистской литературе // Вестник ТГУ, 2007. № 296 (март). С. 62 – 69.
2. Александрийский Афанасий. Творения: в 4-х т. Т. 1. М.: Сергиева Лавра, 1994. 523 с.
3. Анаксагор «О природе» // Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических космогоний до возникновения атомистики. Изд. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989. С. 86 – 128.
4. Андреева Е. Всё и Ничто: символические фигуры в искусстве второй половины XX века. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 359 с.
5. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. 418 с.
6. Вторая Книга Маккавейская / Ветхий Завет // Библия: Сибирская благовонница. 2015. 1488 с.
7. Державин Г. Д. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1957. 465 с.
8. Жукова О. И., Жуков В. Д. «Нарциссический» человек как символ современного социума // Вестник КемГУ. 2015. № 1(61). Т. 2. С. 203 – 207.
9. Ильенков Э. В. Космология духа // Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 415 – 437.
10. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: в 5 т. Т. 1. М.: Искусство, 1962. 614 с.
11. Казаков Е. Ф. Проблема начала истории // Вестник КемГУ. 2015. № 1(61). Т. 2. С. 211 – 216.
12. Лэртский Диоген. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986. 265 с.
13. Марсель Г. Человек, ставший проблемой // Трагическая мудрость философии. Избранные работы. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1995. 216 с.
14. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 253 с.
15. Ницше Ф. Весёлая наука. Злая мудрость. М.: Эксмо, 2006. 236 с.
16. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2008. 189 с.
17. Паскаль Б. Мысли. М.: Азбука-классика, 2004. 406 с.
18. Платон. Законы. М.: Мысль, 1999. 397 с.
19. Платон. Тезетт // Собр. соч.: в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. 463 с.
20. Порошенков С. В. Существование и деятельность в определении ценностного отношения. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2002. 408 с.
21. Фейербах Л. Сущность религии // Избранные философские произведения. М.: Политиздат, 1955. 456 с.
22. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Изд-во АСТ, 2014. 288 с.
23. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб, 1997. 567 с.
24. Хоружий С. С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетея, 1994. 448 с.
25. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М.: Изд-во АСТ, 2011. 216 с.
26. Штирнер М. Единственный и его собственность. СПб.: Азбука, 2001. 448 с.
27. Derrida J. Adieu a Emmanuel Levinas // Губман Б. Расставание перед ликом бесконечности: Ж. Деррида прощается с Э. Левинасом: Матер. XI-й ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. Академическая серия. Вып. 16. М., 2004. С. 89 – 106.

Информация об авторе:

Казаков Евгений Фёдорович – доктор культурологии, профессор кафедры философии КемГУ, kemcitykazakov@mail.ru.

Eugeniy F. Kazakov – Doctor of Cultural Studies, Professor at the Department of Philosophy, Kemerovo State University/

Статья поступила в редколлегию 14.09.2015 г.